

Рану вряд ли можно назвать глубокой – помещение было не настолько большим, чтобы разогнать воздушное лезвие до достаточной скорости, и прошло оно вскользь, справа налево, оставив порез чуть выше кадыка глубиной где-то в четверть самой шеи, самую малость несимметричный. Прелат широко раскрыл глаза, но не от боли – удивления. Боли практически не было... пока что.

Багровая жидкость не хлынула фонтаном, окрашивая каменный пол, а полилась, медленно, неотвратимо. Мужчина неосознанно опустил голову, даже немного отшатнулся, будто мимо его глазами пролетела пчела, из-за чего тонкий слой жира и кожи чуть прикрыл кровоточащую полосу за подбородком, но жизненные соки продолжали литься, вплоть до первого вдоха. Казалось, тело Прелата попыталось вернуть жидкость обратно, однако, несмотря на кажущуюся логичность сего действия, то было фатальной ошибкой: кровь начала литься по горлу, напополам вниз, по пищеводу, и лёгкие.

Прелат коротко кашлянул, и кровь лопнула небольшими пузырьками, окропив воротник белой рубахи, и в этот самый момент, в это мгновение, он понял. Прижав ладонь к шее, он отступил на шаг, второй, мотая глазами то на выходы и зала, то на Азела или других Прелатов; большинство стояли в тех же позах, что и секунды назад, в смятении, шоке. Он ударился спиной в колонну, что была прямо позади него. Рука, прикрывавшая рану, чуть ослабила хватку и поднялась к голове, примерно на палец выше, явив неровное кровавое пятно под мизинцем. Небольшие капли начали пробиваться между ним и безымянным пальцем, но Прелат, казалось, перестал обращать на это внимание.

Он потянулся за мечом свободной, левой рукой – проблема заключалась в том, что ему приходилось вытягивать клинок из ножен, которые висели на этой же стороне тела. Несколько мгновений сумятицы, и меч беззвучно выскользнул из вместилища, Прелату нужно было развернуть кисть против часовой стрелки, чтобы наставить клинок на четверых врагов впереди себя, но на полпути рука его дёрнулась в сторону, ведомая невидимой силой, застывая на полпути к колонне. Мужчина перевёл взгляд на Избранного, сжимавшего ладонь согнутой левой руки в кулак – Азел давил на предплечье воздушной массой, не позволяя ему сдвинуться с места.

Прелат дёрнул рукой, пытаясь высвободиться, но ему не хватило сил, и не хватило бы раньше, когда недостаток воздуха не начал вызывать слабость. Ещё раз, ещё, ещё, а затем – крик, прервавшийся истошным кашлем, с кровью и слюной вперемешку: он вывихнул локоть или плечевой сустав. Он припал на колено, по-прежнему с зажатой в воздухе рукой, так и не выпуская меч, голова его опустилась вниз, к освещённому полу, глаза застыли, глядя на маленькое багровое пятнышко с неровными краями. Острая боль в руке, несравнимая с порезом шеи как по силе, так и по летальности, будто накатывала волнами к телу, конечность немела... Прелат сжал руку на горле, от мучительной рези или от страха, что хватка на ране ослабнет, но от этого ему стало ещё тяжелее дышать, по сути, он начал душить сам себя, даже не осознавая этого.

Борясь с самим собой, постепенно захлёбываясь собственной кровью, мужчина даже и не заметил, как на краю его взгляда медленно появились две человеческие ноги, в высоких ботинках и тёмно-коричневых брюках – то был Азел, уже занёсший меч для последнего удара. Треск костей, шмякающий звук стали, рассекающий мозг словно мокрую губку – всё это безымянный Прелат не увидел и, к счастью для него, не успел прочувствовать. Тело его обмякло, прекратив всякое сопротивление, окровавленная ладонь, сжимавшая порез, грохнулась на пол.

Избранный вытащил клинок цвета меди, перемазанный в сером и красном, из проломленного

черепа Прелата и позволил ему наконец упасть, развеяв воздушный замок. Он упал на каменные плиты лицом, чуть согнув спину, испачкав содержимым головы край ботинка Азела.

– ... – авантюрист повернулся вбок, глядя на вжавшегося в стену толстяка. Непонятно, в какое время тот умудрился отойти подальше, но всё равно, Нак, Литта и Мили не дали бы ему уйти. – ...Теперь ты.

– П-послш... П-по-слушайте, я н-не оп... – его речь прервал металлический перезвон от падения меча на деревянный стол.

– На пол, руки за голову.

Прелат Бертио подчинился, кивая головой в радостном согласии, как дворовый пёс, даже когда его живот почувствовал холод каменного пола. Настиранная, выглаженная заботливыми руками – естественно, не его самого, – роскошная одежда, не дешевле комплекта солдатских доспехов, изгваздалась в пыли и мелкой каменной крошке, равно как и изящно подстриженная растительность на лице.

– Я задаю вопросы, ты – отвечаешь. Коротко и без движений. – Азел оставался на некотором расстоянии в центре комнаты, жестом сказав остальным следить за проходами и не спускать глаз с Прелатов, живых или даже мёртвого. – Где остальные Прелаты?

Хоть Одрэт уже поделился этой информацией ранее, новое лицо могло данные опровергнуть, и тогда поди догадайся, кто из двух мужчин решил солгать. К чести обоих, показания их сходились, а поскольку у них не имелась возможности договориться вследствие неожиданного нападения, сомневаться в искренности Прелатов под лезвием меча не приходится – так для себя решил Азел.

– Где вещи из пустыни и Атбурга? – Избранный подошёл ближе.

– Артефакты... Один – на Севере... Это золотой цилиндр с зауженными основаниями, из Эмиша. А второй...

– Второй у меня в кармане. – перебил его парень, почёсывая в раздумьях подбородок. – Этот дедушка мне его отдал.

– ...Одрэт... сукин ты сын. – донёсся с пола шёпот, достаточно сильный, чтобы дойти до ушей бородатого Прелата. Естественно, тот не мог не отреагировать.

– Что? Ты сам не видишь, в какой ситуации мы оказались?

– Уж как не видеть... Продал человечество, и за что? Шкуру свою чтоб сберечь? – Азел не прерывал его, давая выговориться, и ловил каждое сказанное им слово. – Ну и как тебе стоит, на трупах-то?

– Трупах? Да кто бы говорил! Сотню человек отправили на смерть в пустыню, сотню! Только он и вернулся! – Одрэт указал на тело безымянного, с прорубленной мечом головой, около которого сновала Мили, явно заинтересованная содержимым черепной коробки одного из Прелатов. – А сколько бы слегло в Кинбадуше, если не Его вмешательство? Тебе напомнить, пердун старый, что вы тут «единогласно» развели?!

– Так ведь все могут умереть! Не сегодня, не завтра, а через десять лет, сто! – Бертио убрал руки с головы, чтобы сверлить Одрэта злым взглядом. – Тебе-то легко, ни жены, ни детей, а у

меня внуки скоро пойдут; как, думаешь, мне спится по ночам, зная, что безумный божок в любой момент перевернёт Алшамур вверх ногами, а?! У нас есть шанс – я его использовал!

– Был шанс. Был, Бертио.

– Мы можем спрятать артефакты, так, чтобы он не нашёл их за тысячу лет! Тысячу лет безо..!

– Заткнись. – Азел прижал Прелата к полу ногой, впечатав лицом в плитку. После того, как толстяк прекратил кричать от боли, он продолжил: – Теперь самое главное, ответьте мне двое, наконец... Что это за золотой амулет, какого хрена он разбросан по всем уголкам мира, какой великий, мать его, замысел вы тут задумали? На что эта штука способна?

Прелаты, прижатые к стенке, принялись отвечать.

Послесловие Автора (исследовательское).

Торчу одну главу – я помню!

Соу, я тут давеча подумал, что натуралистическое описание смерти при перерезании шеи очень хорошо устроит атмосферу этой и дальнейших глав, ну и начал рыскать по источникам, дабы сбить сцену воедино. Заодно и вас немного поучу, «ПВА» образовательное, фигли.

Первое – характер раны. Если шваркнули по сонной артерии – приложите пальцы к горлу слева или справа, нащупайте пульс, это она и есть – шансов мало. В случае Азела парой глав назад осколок бомбы попал в вену, ярёмную (которых много), это более оптимистичный случай, опасный кровопотерей и её последствиями (гуглите: воздушная эмболия), а вот за ней – сонная... Как говорят, из неё может литься томатный сок со скоростью литр в пятнадцать секунд, а с учётом общего литража человека – примерно 5 и 4 литра для мужчины и женщины соответственно – это очень серьёзная рана, особенно если повреждены обе сразу. В таком случае мозгу не хватает крови – и всё.

Большинство отвечал в интернетах используют фразу «Счёт идёт на минуты», и они в целом правы, но это не даёт мне точного тайминга и описания процессов организма. Асфиксия (верёвка и мыло, например), даёт насладиться непередаваемыми ощущениями 4-5 минут, ранение ярёмной вены – от часа (бывали случаи) до пяти секунд, в случае той самой эмболии, а с сонной... На форуме самоубийц говорится, что у скорой помощи есть время оказать помощь, ну, значит, примерно... скажем так, до десяти минут в зависимости от тяжести травмы, резанут до позвонков – минута. Есть видео в интернетах, так сказать, процесс, предоставленный террористами, «Лики Смерти», «Самый пьяный округ в мире», но помилуйте, мне ещё сегодня ночью спать.

Вопреки распространённому мнению, не каждое ранение горла раз-два – и на кладбище, всё зависит, опять же, от раны, скорости оказания помощи и её квалификации. По земле сейчас ходит бывший хоккеист, Клинт Маларчук, которому во время матча лезвием конька вскрыло шею, артерию, вену – хрен разберёшь по газетным статьям. Вроде бы, скажете вы, он ХОДИТ, а не ХОДИЛ, значит обошлось, всё хорошо? Книгу написал, «Божевільна гра» (да, он украинец), «Безумная игра», которую хрен найдёшь... Но... Скажем так, последствия там не особо счастливые, вплоть до попыток самоубийств с помощью, в том числе, ружья и «двадцати банок пива». Пуля пробила подбородок и вышла через рот.

Обязан добавить, хоть я тут всё расписываю с задором и смехуёчками, тема отнюдь не приятная. Книга вышла позже попытки самоубийства. Он возвращался на лёд, в качестве игрока и тренера, ведёт Твиттер, где высказывается о борьбе с депрессией и желанием выйти в

окно. Я не могу сказать, что он «герой нашего поколения», как я частенько писал в школьных сочинениях, не «исправившийся после промаха». К сожалению, думаю, его по-прежнему мучает бессонница, он нет-нет да и прикладывается к горлу бутылки. Но он старается жить. ...Вот так... М-мда.

<http://tl.rulate.ru/book/21641/1688739>